

На этом форуме я представляю российскую окраину, пусть и такую величайшую, богатейшую и колоссальнейшую по территории, что определение “окраина” ей как бы и не подходит, поскольку моя вовсе не маленькая малая Родина сама может прослыть целым государством, к которому лепится всё остальное...

Всё это я говорю о любимой Сибири!

И, конечно, раз уж мне, сибиряку, выпала честь быть в эти дни в Шанхае и говорить о современной русской литературе, я не могу не сказать в своём выступлении о том чувстве сиротства, некой прудотости, промозглости, открытости всем сквознякам, словно бы специально этого момента ждавшим и вот внезапно и всем разом подувшим на нас, о чувстве незащитности, растерянности и потерянности, которое постигло нас в марте 2015 года, когда умер Валентин Распутин.

... Долгое время присутствие этого человека в литературе, в нашей жизни было для нас неким духовным оправданием или, как сказал сам Валентин Григорьевич об одном своём персонаже, — “подпоркой”.

Это “подпирающие” не только и не столько братьев по цеху, сколько российских читателей и — шире — всего русского народа, тем более всем нам было нужно, что с начала нового века, нового тысячелетия почти один за другим ушли из жизни такие выдающиеся отечественные писатели и публицисты, как Виктор Астафьев, Евгений Носов, Василий Белов, Александр Солженицын и другие.

С уходом этих великих стоятелей за русское дело центр тяжести вот этого национального подвижничества, которое мы определили, как “подпирающие” русского мира, в умах и сердцах современников переместился на одного человека — на Валентина Распутина (хотя сам он наверняка опротестовал бы это свидетельство и привёл в пример другие “подпорки”).

Всё это я говорю не для того, чтобы подчеркнуть исключительность этой фигуры, а дабы указать на величайшую ответственность перед русским народом — ответственность, которая со смертью старших товарищей была возложена на “самого младшего, самого любимого, самого совестливого сына России” (так охарактеризовал Распутина Валентин Курбатов в первых откликах на смерть писателя).

Конечно, я предвижу возражения и поправки; кто-то может назвать свой ряд “стоятелей” за русское дело и убедительно доказать, что со смертью перечисленных мною писателей ничего не закончилось...

Что на это ответить?

Да, разумеется, и сегодня в России много авторов – хороших и разных, как правило, много пишущих, много издающих, много ездящих по стране и миру, много выступающих и так далее.

Но применительно к этим находящимся в литературном процессе писателям хотелось бы указать на одно по-своему единственное и одному только подлинному народному таланту присущее качество Валентина Распутина, а именно – на его всегдашнее, как бы даже развивающееся помимо его воли присутствие в нашей жизни. И это несмотря на то, что последние десять лет Валентин Григорьевич не писал художественной прозы!

Тем не менее, даже не работающий за своим столом, “не пишущий” писатель Распутин по праву занимал то место в нашем сознании, в нашей жизни, которое не смог ни оспорить, ни, тем более, заполнить никто другой из его современников.

Вероятно, тут следует говорить о той типично русской, заветной, многострадальной надежде, которую являл собой, своим именем, своим, наконец, служением Отечеству Валентин Распутин; о той надежде, которую он, невзирая на отчаяние и, казалось бы, беспросветность его произведений поздней поры, выражал каждым своим словом, а после выхода в свет в 2002 году самой неровной, но зато и самой болезненной повести “Дочь Ивана, мать Ивана”, после того, как писатель несколькими годами позже перенёс гибель дочери, эту русскую надежду Распутин питал и воплощал даже своим молчанием.

Это молчание во многом стало знаковым, определяющим для России. В том плане, что замолчавший Распутин, как отошедшая в часы отлива байкальская волна, тем резче (резче даже, чем в своей публицистике) вымыл суть некоторых сокровенных для русского человека понятий. Таких как совесть, правда, любовь к своей Родине.

Они, безусловно, выпукло и мощно присутствовали во всей его прозе, во всём его творчестве, во всех его публичных выступлениях. Но только вот это молчание писателя предельно обнажило, отбросив детали, суть явления по имени Валентин Распутин. И как-то сразу стало ясно, что вместе с переставшим писать Распутиным и этой самой совестью, и правды, и любви (не показной, но нутряной, настоящей, правдошной, тоже, кстати говоря, молчащей) стало меньше – и в литературе, и в жизни. Как будто и России стало меньше, как будто произошёл очередной раздел-передел и от нас, от нашего сердца отняли некие заповедные территории.

...Мы уже не ждали его новых книг. Мы видели, что ему трудно, что ему не нужно, что он это пережил, может быть, возвысился над этим и уже по-другому (нам неизвестно – как) взглянул и на себя прежнего, и на своё литературное ремесло.

Мы следили за этим молчанием, слушали его, радовались, что есть хотя бы оно, это молчание нашего великого современника.

Мы только хотели, чтобы это молчание не оборвалось внезапно, чтобы оно ещё длилось и длилось. Так нам хочется, чтобы близкий и дорогой нам человек, пусть и больной, усталый, может быть, немного утомившийся, но жил как можно дольше, чтобы не возникло однажды наутро, после долгой мучительной ночи, это ужасающее чувство пустоты в соседней комнате.

Это чувство пустоты в перспективе тем более пугало, что “комнатой” для Распутина была вся Россия, и мы, жители России, русский народ, вслушивались в эту Россию, чтобы уяснить для себя, жив ли её словно бы давший обет молчания сын, и к нему, к её сыну, к его молчанию мы прислушивались, дабы узнать, всё ли ещё она, Россия, полна той последней полностью, которой был для нас Валентин Распутин и без которой мы не смогли бы понять ни себя, ни Россию, ни свою русскость.

И это тоже подлинная заслуга Валентина Распутина – продолжиться в сердцах, в умах, в памяти, в языке своего народа чем-то, помимо книжек, тем, что назвать, вероятно, не может и Слово.

В этом смысле писатель Распутин самый что ни на есть народный; хотя он во всех смыслах народный.

Но я хотел бы остановиться не на этом.

Я хотел бы сказать ещё несколько слов о сохранный роли Валентина Распутина, но сохранный уже по отношению к его младшим братьям по ремеслу.

После выхода уже упомянутой повести “Дочь Ивана, мать Ивана”, а ранее после публикации таких рассказов, как “В ту же землю” и “Нежданно-негадан-

но”, для всех, и для меня в частности, предельно изострилась, закрычала горлом вот такая мысль: это же не он, старик (или почти старик), должен был написать эти страшные тексты, это же кто-то из нас, молодых — пусть не я, я был тогда слишком юн! — а мои старшие собратья должны были это написать, описать, должны были за этих людей заступиться, должны были выйти против этой мерзости, благо и молодостью, и здоровьем, и тем, что называется русской уже не удачью, но дурью (в смысле — силой), Бог не обидел... Однако этого не произошло. И снова, как в прежние годы, Распутин заговорил обо всём этом и за нас, и от нашего имени, и от имени всего русского народа.

А мы только наблюдали за ним, за его почти единственным и уж точно одиноким борением, ехидно подмечая просчёты и слабости, которые (кто без греха?) допускал писатель — иногда в запале, иногда в силу обстоятельств возраста и иссякающего интереса собственно к художественному творчеству, а чаще оттого, что осваивание такого нелёгкого, злободневного материала, за который раз за разом брался Валентин Распутин, было сопряжено не только с духовным закаливанием самого писателя, но и с известным износом и здоровьем, и дарования, потому что чужое горе, воспринимаемое не как сугубо литературный материал и вообще не как материал, а как своя личная, кровная трагедия, гнетёт и убивает, или уж, во всяком случае, не добавляет жизни.

...В своей статье о Василии Шукшине Распутин писал о том, что “мы (то есть они, современники Шукшина. — **А. А.**) в чём-то его не поддержали”. Сегодня с сожалением можно и нужно говорить о том, что и мы, современники Валентина Распутина, далеко не во всём его поддержали, а может быть, не поддержали ни в чём.

После Распутина, после его ухода, после того, как откололась эта колоссальная глыба, неминуемо возникает вопрос: что сегодня?

Что сегодня представляет собой русская литература?

Чем она дышит?

Кем она дышит?..

Тут я должен извиниться перед собравшимися: образ моей жизни в Сибири, в Иркутской области, на берегах великой северной реки Лены, не даёт мне права делать заявления от имени некоего поколения в литературе, точнее, в современной прозе.

Я попросту не ощущаю своей причастности к какому-либо поколению, как вообще не ощущаю себя частью литпроцесса.

Но раз уж нужно говорить о современной литературе, могу перечислить кое-какие имена, которыми, с моей точки зрения, реализуется, а стало быть, “дышит” нынешняя русская проза.

Это, например, енисеец Михаил Тарковский, пожалуй, один из немногих современных писателей России, у ком с полным правом можно говорить как о писателе глубоко необходимым.

Это земляк Тарковского — Александр Щербаков. Как два этих редких таланта поделили Енисей, мне неизвестно, Виктора Петровича нет... Это мой земляк, иркутянин Анатолий Байбородин, автор многослойных, стилистически витиеватых, но подлинно русских произведений.

Это всем известный Захар Прилепин, который дослужился до того, что никакими регалиями его отмечать не нужно, можно просто назвать его по имени.

Это писатель распутинской совестливости Роман Сенчин.

Это наглый и дерзкий, как сто индейцев, но очень талантливый москвич Сергей Шаргунов, не так давно удививший всех не по возрасту зрелым и удивительно ровным по языку романом о переломном моменте нашей отечественной истории — 1993 году.

Это многие другие, всех не перечислить, да я к этому и не стремился, и назвал этих, а не других писателей не потому, что те, “другие”, хуже, а потому, что “эти” мне вот сейчас пришли на ум.

Да, ещё, безусловно, нужно назвать Алексея Варламова! Некоторые его рассказы нужно заучивать наизусть, чтобы ими чистить горло.

...Как видите, картины не получилось! Наверняка москвичи справятся с этой задачей лучше меня. Я же только хочу сказать, что современная русская литература, с моей точки зрения, переживает качественный и количественный расцвет, которого давно не знала.

Наверное, многих удивит моё заявление. Но это так. Мы переживаем такой период в истории отечественной литературы, когда появилось много со-

вершенно разных, хорошо обученных, хорошо пишущих авторов. Часто их имена не запоминаются, в том смысле, что, помимо названных выше, полно таких (ничуть, кстати, не слабее того же Прилепина или Шаргунова), которые, однажды засветившись каким-нибудь одним произведением, потом куда-то исчезают, оставляя после себя горькое (ибо, увы, уходящее) чувство прекрасного послевкусия.

Это разнообразие, с одной стороны, радует, с другой стороны, подвергает сомнению саму необходимость этого разнообразия и этого умения писать хорошо, ведь ни нового Достоевского, ни нового Чехова не появилось и, скорее всего, уже никогда не появится.

И тут, как это ни примитивно прозвучит, нужно задуматься: а ради чего вообще пишут? Не утратило ли писательство своего основного направления, того самого, которому следовал Валентин Распутин и которое, наверное, вот так, с ходу, в двух-трёх словах не расшифровать, но прозреть каким-то глубинным зрением можно?

Я вот не знаю. Может быть, знают те, кто приехал на этот форум. Я — не знаю. Я только подозреваю, что этот вопрос столь же актуален для китайских авторов, как и для нас, писателей России.